

УДК 174

О некоторых аспектах этики журнального рецензирования

Аннотация. В статье подвергнуты анализу некоторые аспекты этики рецензирования рукописей в академических журналах. Так как журнальный публикационный процесс превратился в последние десятилетия в важнейшее из средств формирования научной повестки дня и, одновременно, в важнейший инструмент оценки результативности научного труда, его соответствие этическим стандартам является неременным условием процветания академического сообщества. Ни университеты, ни научные организации не смогут эффективно выполнять свою миссию, если отбор достойных публикаций научных работ будет осуществляться на основе процедур и критериев, не способствующих производству знания. Рецензирование рукописей компетентными исследователями считается такой процедурой, которая ему способствует. В этой связи автор статьи обращается к проблеме мотивации рецензентов. Он ставит под вопрос гипотезу Дж.Оверолла о том, что такой мотивацией может быть либо чистый альтруизм, либо прагматическая экономическая рациональность, и что преобладание второй мотивации делает неизбежным перевод рецензирования на возмездную основу. Автор считает преобладающими и при этом оптимальными мотивами рецензентов отличающиеся как от чистого альтруизма, так и от карьерного прагматизма мотивы академического служения и академического гражданства (третьей части академической этики, наряду с преподаванием и исследованием). Не сомневаясь в необходимости вознаграждения труда рецензентов, он считает, что этическая основа этой деятельности должна преобладать над экономико-правовой. Вторым аспектом рецензирования в академических журналах, затронутым в статье, является вопрос о преимуществах и недостатках анонимного и открытого рецензирования. Дискуссия об этих процедурах, развернувшаяся на страницах «Журнала академической этики» в 2003–2008 гг., хорошо высвечивает общие нормативные основания публикационного процесса. Автор статьи присоединяется к мнению Дж.А.Корлетта о том, что эти нормативные основания определяют выбор в пользу анонимного рецензирования, однако аргументы критиков анонимности требуют установления особого режима деятельности рецензентов и редакторов. Завершает статью анализ двух документов, конкретизирующих и операционализирующих этику журнальных рецензентов: «Этические рекомендации для рецензентов» Комитета по публикационной этике (2013) и «Белая книга по поддержанию добросовестности в публикациях в научных журналах» Совета научных редакторов (2018).

Ключевые слова: мораль, профессиональная этика, академическая этика, академическое служение, академическое гражданство, этика научных публикаций, этика рецензирования.

Академическое гражданство и публикационный процесс

Этика университетского преподавателя представляет собой сочетание трех ценностно-нормативных элементов, соответствующих трем основным направлениям его деятельности. Преподаватель призван обучать студентов определенной научной или научно-практической дисциплине, заниматься получением нового знания в какой-то познавательной сфере (то есть быть эффективным действующим исследователем) и, наконец, поддерживать инфраструктуру образовательного и исследовательского процессов. Эти виды деятельности принято называть преподаванием, исследованием и служением. Соответственно, в возникающих в порядке институционализации академической этики документах (миссиях, декларациях, кодексах, правилах, рекомендациях) появляются разделы, которые фиксируют ценности и нормы, ориентирующие эти виды деятельности. Там, где этого не происходит, принадлежность нормативных ориентиров к этике одного, второго или третьего вида деятельности проступает сквозь другое, иногда не очень логичное и последовательное структурирование документов. В своих прошлых публикациях в «Ведомостях прикладной этики» я неоднократно касался этой триады в разной степени приближения к ее элементам: в их совокупности и взаимодействии [2, 4], в специфике каждого из них [5], применительно к их отдельным проявлениям или явлениям, которые находятся на их стыке [3]. В данной статье я хотел бы продолжить исследование этой тематики.

Конкретно – хотел обратиться к некоторым этическим проблемам такого элемента академической практики как служение. В этической литературе используется также понятие «академическое гражданство», которое, на мой взгляд, точнее раскрывает это явление. Под академическим гражданством понимается деятельность члена академического сообщества, который понимает, что преподавание и исследование осуществляются в определенном институциональном контексте, и прикладывает усилия для поддержания качества связанных с ними институтов. Академический гражданин воспринимает преподавание и исследование в качестве коллективного проекта, который может быть успешным только в том случае, если все, кто участвуют в нем, оценивая и планируя свою профессиональную деятельность, будут ориентироваться на конечный смысл существования академического сообщества в целом (его миссию).

В отношении институционального контекста преподавания академические служение и гражданство практически тождественны университетскому служению и университетскому гражданству. Они предполагают участие в администрировании университета и в его само-

управлении. Последнее включает, в том числе, придирчивый контроль за администрированием. Отсюда следует, что академический гражданин в определенном смысле является антиподом академического чиновника. Современный университет является массовым, финансируемым извне и подотчетным источникам своего финансирования учреждением, которое находится под мощным внешним прессингом по поводу создания эффективной и прозрачной системы управления. Он превращается в университет менеджеров и клерков, в большую образовательную корпорацию, в российских условиях – государственную. На уровне отдельного университетского преподавателя академическое гражданство представляет собой такую установку, которая позволяет ему противостоять бюрократической логике управления, ведущей к сосредоточенности на достижении легко измеряемых показателей в ущерб содействию тем целям, успех в достижении которых трудно формализуется. Я не утверждаю при этом, что университетское гражданство предполагает партизанскую или регулярную войну против менеджмента. Университетский гражданин может, а в некоторых случаях и должен, участвовать в администрировании – входить в советы, комиссии, принимать назначения и т.д. Однако в качестве гражданина, а не простого наемного менеджера он призван сохранять более широкий горизонт целей и ценностей, более свободное и гибкое сознание. Если же университетский гражданин участвует в различных формах самоорганизации коллектива, то его дистанция по отношению к формальной системе университетского управления оказывается большей. Однако и в первом, и во втором случае его задача состоит в том, чтобы поставить эту систему на службу конечным целям такого учреждения как университет (сохранить ее связь с тем, что В.И. Бакштановский назвал «метафизикой университета» [1, 152–153]).

В отношении исследовательской деятельности академическое гражданство является гораздо более универсалистским, здесь оно а priori не может ограничиваться отдельным университетом. Работа по формированию основных направлений развития той или иной исследовательской дисциплины имеет заведомо надлокальный характер. Университет выступает лишь в качестве хоста и хаба, который принимает у себя технологические и организационные структуры науки. Он является инкубатором научных школ, местом проведения конкретных исследований и научных мероприятий, базой для научных издательств и научных периодических изданий. Но все они включены в глобальную систему научной кооперации. Поэтому быть академическим гражданином в сфере создания нового знания и поддержки инфраструктуры его получения – значит удерживать в поле своего

внимания цели глобального исследовательского сообщества и активно участвовать в поддержании его устойчивости, в том числе, за пределами своих собственных исследований. Именно эту составляющую академического гражданства я буду обсуждать далее применительно к такому виду деятельности академического гражданина как рецензирование рукописей для научных журналов.

Однако перед тем, как перейти к его анализу, я хотел бы дополнительно подчеркнуть, что академическое служение не является рутинной и механической обслуживающей деятельностью, аналогом уборки в квартире или гигиенических процедур. Не является оно и аналогом службы в иерархизированных социальных структурах, подобных полиции или армии. Так как оно связано с организацией и поддержанием жизни сообщества, оно носит креативный, коммуникативный и в самом фундаментальном смысле этого слова «политический» характер. Именно в этом отношении более современный термин «академическое гражданство» точнее, чем имеющее долгую и славную историю понятие «академическое служение». В академическом сообществе постоянно сталкиваются между собой альтернативные видения исследовательской практики и практики преподавания, альтернативные видения задач университетов и научных учреждений, разные педагогические и научные школы и направления, а также группы общих интересов, которые формируются на основе критериев, не сводящихся к перечисленным выше. Все эти группы вполне естественным образом борются за увеличение своего влияния, за контроль над органами управления и институтами, определяющими жизнь академического сообщества. Академический гражданин обязан формировать свою позицию в таких столкновениях. Но он также обязан искать честные, открытые и коммуникативные, а не сугубо прагматические и закулисно-бюрократические способы их разрешения. Политическая или агонистическая сторона жизни академического сообщества не должна становиться препятствием для реализации его миссии (подробнее о политическом измерении академического гражданства см.: [11]).

Возвращаясь к главному предмету моего анализа, хотел бы напомнить, что научные журналы представляют собой на настоящий момент центральную часть инфраструктуры академического сообщества в сфере представления и оценки результатов научных исследований. В условиях, когда наукометрические методы определения эффективности исследовательского труда приняты на вооружение университетами, научными институтами, ассоциациями ученых, негосударственными организациями, поддерживающими науку, и органами государственного управления, научный журнал оказывается важ-

ным центром силы и влияния в академическом мире. Он выступает не только в качестве площадки, предоставляющей исследователям слово, дающей им возможность полемического взаимодействия или заочной координации усилий, но и превращается в фильтр, допускающий или не допускающий проведенное исследование в пространство большой науки, а ученого, который его провел – в пространство построения успешной академической карьеры. Каждый научный журнал служит ячейкой в широкой децентрализованной системе оценки успешности исследований и, соответственно, в системе создания нового знания. Их совокупная деятельность может более или менее эффективно отсеивать исследования, не обладающие значительной новизной и актуальностью, и тем самым задавать магистральные направления развития науки (опять же – более или менее эффективно).

У такой роли научных журналов есть свои плюсы и минусы. Это является основой критики журнальной системы как таковой или того веса, который журналы приобрели в процессе оценки результатов научных исследований, сравнительно с другими институциональными механизмами. Однако невозможно отрицать, что сегодня от способов организации журнального процесса зависит очень многое в судьбе академического сообщества. Отсюда следует, что ответственный академический гражданин не может быть равнодушен к тому, что происходит в академических журналах. Как я уже отмечал, у него есть обязанность способствовать сохранению высоких методологических стандартов своей исследовательской дисциплины. Эта обязанность не ограничивается обеспечением качества его собственных исследовательских проектов и участием в научной полемике. Понимая, что журналы на сегодня серьезно влияют на производство знания, академический гражданин с необходимостью задумывается о том, какова могла бы быть его роль в функционировании журналов. Набор позиций, которые он при этом может занять, довольно ограничен – основатель нового журнала, главный редактор, член редколлегии, член редакции и, наконец, рецензент рукописей. Все они рекрутируются тем или иным образом из действующих ученых и преподавателей, их работа, за редкими исключениями, является работой, которую они выполняют параллельно исследованию и преподаванию. Это классическая для академического служения или академического гражданства ситуация. В дальнейшем я сосредоточусь на фигуре рецензента, но при этом буду затрагивать и некоторые этические проблемы редакторской деятельности, связанные с организацией рецензирования.

Хотя в российской, а ранее – советской науке журналы довольно давно стали играть важную роль в процессе оценки результатов

научных исследований, стандартная процедура отбора статей для публикации, совмещающая мнение редакции (редколлегии) с мнением внешних экспертов, стала обязательной лишь в недавнее время. Я имею в виду те журналы, которые имеют или стремятся получить официальный статус в процедурах научной отчетности и аттестации через вхождение в перечень ВАК или международные базы. Способы привлечения внешних экспертов первоначально были различными в разных журналах. Практиковался прием рецензий, которые были, скорее, рекомендательными письмами, чем настоящими рецензиями. То есть рецензенты не только знали, кто автор публикации, но и избирались самими авторами. И даже более того, рецензии часто представлялись в журналы самими авторами статей. Порой журналы запрашивали рецензии научных руководителей, если речь шла о статьях аспирантов и т.д. и т.п. Сегодня статус рецензируемого журнала в России имеют те, которые практикуют наиболее распространенное в международном масштабе двойное анонимное (или «двойное слепое») рецензирование, при котором автор и рецензент не знают имен друг друга. Рецензент может узнать имя автора только, когда статья опубликована, и только в отношении принятых в журнал статей, автор же, в итоге, так и не узнает идентичности рецензента.

Если вести речь о моем собственном опыте, то в период становления российской системы рецензируемых журналов мне довелось занимать в журнальном процессе три позиции, позволяющие видеть такой процесс извне и изнутри. Я был автором определенного количества публикаций в рецензируемых журналах и, соответственно, получал рецензии на свои рукописи и наблюдал работу редакций с автором рецензируемой рукописи. Меня привлекали для рецензирования рукописей несколько академических журналов разного типа и статуса и, соответственно, я мог наблюдать за работой их редакций с рецензентами от приглашения до итогового раунда рецензирования. Наконец, я работал научным редактором академического журнала и, соответственно, получил представление о способах подбора рецензентов и использования рецензий при выборе статей для публикации. У меня была возможность общаться с авторами и рецензентами, знакомиться с их реакцией на тексты друг друга и т.д. И хотя ретроспективно эта работа представляется мне совсем не безупречной, она высветила определенные проблемы и продемонстрировала их актуальность. Исходя из своего опыта соприкосновения с процессом журнального рецензирования в России, я вижу важность тех социологических и этических исследований этой практики, которые были проведены в последние десятилетия, а также важность результатов институционализации этики журнального рецензента, организо-

ванной некоторыми международными центрами. Следующий далее анализ исследований и документов, на мой взгляд, мог бы помочь российским редакторам и организаторам публикационного процесса.

Мотивация журнальных рецензентов

Для выявления нормативного содержания этики журнального рецензента и для понимания ее роли в журнальном процессе (шире – в процессе производства научного знания) необходимо разобраться с тем, каковы движущие силы участия экспертов в предпубликационной оценке результатов чужих исследований. Только разобравшись с ними, можно определиться с оптимальными способами предъявления этических требований рецензентам и с тем, должны ли вообще именно этические требования и идеальные стандарты находиться в центре регулирования этой деятельности (на настоящий момент в академических журналах регулирование работы рецензентов, а частью – и редакторов проходит по рубрике «этика публикационного процесса»).

Хорошей точкой отсчета для анализа этой проблемы может стать позиция, представленная Дж.Овероллом в работе «Бросайте пить Кул-Эйд: процесс рецензирования в академических журналах в области социальных наук сломан, давайте его починим» [12]. Идиома «пить Кул-Эйд» применяется в американском английском для того, чтобы обозначить беспрекословную веру во что-то, некритический подход к общераспространенным убеждениям или практикам. Дж. Оверолл имеет в виду двойное анонимное рецензирование в том виде, как оно практикуется в большинстве современных журналов (я хотел бы отложить его обсуждение по существу до следующего раздела статьи и обсуждать этот тип рецензирования уже вне связи с позицией Дж.Оверолла). Пытаясь разобраться с достоинствами и недостатками преобладающей рецензионной практики, Дж.Оверолл выявляет теоретические подходы к ее обоснованию и приходит к выводу, что их специфику задает именно разное понимание мотивации рецензентов. Он предполагает, что существует два таких подхода.

Первый приписывает привлекаемому журналом эксперту универсально-альтруистическую мотивацию. Для прояснения сути подхода Дж.Оверолл обращается к кантовской традиции понимания альтруизма, в которой моральные ценности и моральные мотивы направлены на победу над себялюбием. Он вспоминает также о являющейся смысловым центром этики Левинаса ответственности за другого, исключающей надежды на взаимность и порождающей установку на абсолютно бескорыстное самопожертвование. Такое объяснение мотиваций рецензента опирается, прежде всего, на то обстоятельство, что он не получает за свою работу материальной компен-

сации и что его работа не попадает в поле зрения значимых для него других людей (в случае возможности доступа к рецензиям она им не интересна, в случае режима анонимности – просто недоступна). Если в таких условиях рецензенты все же продолжают свою деятельность, то они – жертвенные натуры, настоящие кантовские или левинасовские альтруисты [12, 280–281].

Второй подход объясняет действия рецензента в категориях экономической рациональности, ориентированной на продвижение деятелями собственного интереса. В его перспективе за любым поверхностно-альтруистическим поведением скрываются сложные формы проявления себялюбия, совмещающие стремление получить материальные преимущества в долговременной перспективе со стремлением получить нематериальную выгоду социально-статусного порядка. Соответственно, рецензент выполняет свою работу, поскольку «рецензирование журнальных статей может иметь влияние на его карьеру, такое, например, как создание сети отношений, которая может помочь ему самому опубликовать больше статей» [12, 282]. Подразумевается налаживание рецензентом связей с редакциями журналов, которые готовы будут работать с ним по принципу «quid pro quo». Возможность для такой стратегии сохраняется, поскольку мнение рецензентов в публикационном процессе не является окончательным вердиктом, оно выступает лишь в качестве одного из оснований для решения редакции о приеме статьи. Да и подбор рецензентов редакторами может быть благоприятным для каких-то одних статей и неблагоприятным для других. Именно такой взгляд на мотивацию рецензентов Дж.Оверолл считает единственно оправданным или, во всяком случае, единственно оправданным при проектировании процедур, использующихся академическими журналами [12, 282–283].

На настоящий момент журналы исходят из альтруистичности рецензента и тем самым теряют реалистическую перспективу своей деятельности. Они попадают в своего рода ловушку, поскольку альтруистические мотивации в этой сфере работают слабо, а мотивации реальные, связанные с построением рецензентом академической карьеры, имеют два существенных недостатка. Во-первых, они разрушают или, по крайней мере, ослабляют потенциал журналов в достижении ключевой цели рецензирования – квалифицированной и беспристрастной оценки рукописей. Даже если в отношении рукописей тех авторов, которые не связаны с журналом отношениями «quid pro quo», эта цель достигается, ее достижение оказывается провально в отношении рукописей экспертов из рецензентского пула журнала. Во-вторых, эти мотивации оказываются недостаточно сильными

для того, чтобы обеспечить высокое качество экспертной работы рецензентов. Ведь та поддержка, которую редакция журнала может оказать статьям своего постоянного рецензента не является гарантией публикации (в противном случае, редакция будет не просто давать смягченное толкование правил публикационного процесса, а грубо и радикально нарушать их). Кроме того, рецензирование дает возможность пользоваться преференциями постоянного рецензента лишь время от времени (как правило, не более раза в год). Соответственно, получение дополнительных возможностей для прохождения статей дается рецензенту довольно дорого – изнурительным анализом большого количества чужих текстов, иногда находящихся на периферии его собственных научных интересов, написанием развернутых обоснований отказа в публикации рукописей, иногда – участием в многогранном их совершенствовании. Это ведет к использованию рецензентами различных приемов и уловок, позволяющих им при внешнем соблюдении приличий снижать качество своей работы. У редакторов же нет инструментов для противостояния этой тенденции.

Учитывая такое сочетание реальных и мнимых мотивов рецензентов, а также слабость и противоречивость их реальной мотивации, Дж.Оверолл предлагает изменить наше видение практики рецензирования на основе реализма и преобразовать преобладающие модели этой практики на основе требования эффективности. Одно из его предложений не связано с мотивацией рецензентов (он рекомендует скрывать от редактора идентичность авторов рукописей), а другое – прямо ее касается [12, 285–286]. Дж.Оверолл считает необходимым перевести деятельность рецензентов в режим оплачиваемой работы (либо с прямой оплатой от журнала, либо с включением рецензирования в показатели, варьирующие оплату труда в университетах и научных организациях). Это поможет воспрепятствовать установлению «взаимовыгодных» альянсов между редакциями и их постоянными рецензентами. Редакциям не надо будет в качестве вознаграждения работы рецензента использовать то, что не может являться вознаграждением по определению (возможность опубликоваться). Они смогут привлекать рецензентов на простой и прозрачной основе и относиться к их деятельности как к привлечению внешних оплачиваемых сотрудников. Это избавит редакторов не только от необходимости молчаливо или явно обещать преференции, но и от необходимости апеллировать к лучшим чувствам рецензента. Отношения с ним будут выстраиваться на основе выдачи технического задания наемному работнику.

Не обсуждая пока обоснованность общих посылок и выводов Дж.Оверолла, хотел бы обратить внимание на то, что его предложения склоняются к тому, чтобы исключить из журнального процесса или вывести на его периферию этическую составляющую – элементы свободного самоконтроля и свободного самоограничения профессионала. Дж.Оверолл предлагает не просто строгую формализацию отношений журналов и рецензентов, но и перевод их на юридическую или квазюридическую основу. Журнал получает права заказчика, включая право не оплатить некачественно оказанную услугу (самостоятельно или отказавшись подтвердить сделанную работу для организации, с которой аффилирован рецензент). Будучи до конца логичным, нужно было бы наделить рецензента правом апеллировать в таких случаях и назначить некую третейскую инстанцию, разбирающую подобные споры. В документации журналов раздел «этика публикационной деятельности» должен был бы уступить место техническим регламентам, имеющим иное содержание и иную структуру, чем этические кодексы. А этические документы должны были бы играть ту же роль, которую корпоративные кодексы играют в жизни бизнес-корпораций, то есть вспомогательную и ориентированную на регулирование вопросов, не поддающихся разрешению на основе дисциплинарных правил. Конечно, за пунктами технических регламентов тоже стояли бы определенные моральные соображения, но лишь подобно тому, как моральные соображения часто стоят за правовой и дисциплинарной нормативностью – без итогового тождества двух явлений.

Мне такая реформа не кажется необходимой и реалистичной, и не в последнюю очередь потому, что я не считаю корректной исходную теоретическую диспозицию, предложенную Дж.Овероллом. Для него мотивация рецензента может быть либо универсально альтруистической, либо обусловленной прагматикой индивидуальной научной карьеры (то есть формирующейся на основе экономической рациональности, спроецированной в область специфической институциональной и коммуникативной среды, в которой имеют значение не только деньги, но также звания, административные позиции, знаки признания). Это «или/или» всерьез настораживает в связи с его описательной неточностью. Не очень понятно, что собой представляет тот альтруизм, о котором пишет Дж.Оверолл, вспоминая Канта и Левинаса. Кто тот другой, в отношении которого альтруистичен ученый, готовый потратить силы и время, превратившись в рецензента? Вряд ли это конкретный автор, которому он хочет помочь улучшить текст, поданный в журнал, а в конечном итоге – и стоящее за ним исследование. Вряд ли это редактор, хотя в отдельных случаях рецензирова-

ние вполне может выступать как дружеская услуга, любезность или даже как выражение сочувствия трудной ситуации другого человека. Вряд ли это общество в целом, получающее выгоду от развития науки. Скорее всего, это академическое сообщество и даже какая-то его часть, связанная с собственной исследовательской дисциплиной рецензента. Но в таком случае это будет совсем не тот «другой», который подразумевается этикой Канта или Левинаса.

Другими словами, мы оказываемся не в области универсальной морали, а в сфере профессиональной этики университетского преподавателя и работника научного учреждения, с обзора которой я начал свою статью. Это область, в которой моральные ценности опосредствованы ценностными установками академического сообщества, а универсалистские моральные мотивации переплетены с частной преданностью такому сообществу и стремлением сохранить собственную репутацию в качестве профессионала. Такие коммунарно-опосредствованные воплощения моральных ценностей всегда более сильны, чем чистые моральные установки и мотивы. Сообщества профессионалов, в тех случаях, когда они не находятся в состоянии упадка и деградации, поддерживают у своих членов представление о достойном поведении юриста, врача или, как в данном случае, ученого, обеспечивают функционирование института репутации и т.д. Процесс рецензирования организован так, что участие в нем имеет мало репутационных следствий (репутация преподавателя и ученого складывается на основе его лекций, исследований, полемических выступлений и публикаций). Однако в канон достойного поведения преподавателя и ученого входят, как я уже писал выше, академическое служение и академическая гражданская активность, которые включают в себя различные виды содействия качеству академической среды, в том числе такие, которые не приносят иных плодов, кроме внутреннего удовлетворения. Участие в рецензировании – один из них. Другим, хотя и с некоторыми оговорками, является участие в деятельности редакций. И я бы не стал недооценивать роль этого поведенческого канона в качестве мотивационного фактора.

Так же мне кажется, что Дж.Оверолл очень узко понимает второй полюс своей мотивационной диады – эгоистическо-партикуляристский. В числе мотивов положительного ответа специалиста на запрос журнала о рецензировании присутствует далеко не только желание продвинуть свою карьеру за счет облегчения процесса публикации собственных статей. В академическом сообществе всегда присутствует много разных видений того, чем и как должна заниматься та или иная исследовательская дисциплина. Эти видения поддерживаются на основе научных школ, направлений, неформальных сетей

личного общения или обмена мнениями. Для рецензентов часто оказывается важным не молчаливый договор с редакцией, а желание повлиять на направление исследований в своей сфере интересов, продвинуть свое понимание ее задач (вне зависимости от того, через свои или чужие публикации), избавиться от чьего-то «засилья» и т.д. Этот мотив можно воспринимать как пристрастно-партикуляристский и в чем-то противоречащий целям экспертной деятельности. Однако, во-первых, это все-таки действенный мотив, вовлекающий ученых в рецензирование, несмотря на необходимость оторваться от собственных исследований и собственного преподавания. Во-вторых, принимает или отклоняет рукопись не отдельный рецензент, а публикационный процесс в целом, поэтому эксцессы «фракционного» интереса к рецензированию могут быть погашены поэтапностью и коллективностью принятия решений. И наконец, авторы рукописей пытаются опубликовать результаты своих исследований в условиях существования довольно большого количества академических журналов, имеющих разную редакционную политику в отношении содержания публикуемых статей и подбирающих разные пулы рецензентов. Я писал выше, что академическое гражданство является политическим феноменом. В этом случае мы видим одно из проявлений его политического характера. Проблема лишь в том, чтобы межфракционная борьба не подменяла сами исследования и чтобы ни одна из фракций не становилась монополистом.

В этой связи мне представляется, что у модели рецензирования, опирающейся на разные мотивы, связанные с академическим гражданством, есть существенный потенциал. И так как полноценная коммерциализация этой деятельности довольно сложна и подавляющему большинству журналов и издательств просто недоступна, то этот потенциал необходимо использовать, избегая связанных с ним опасностей и рисков. Я как редактор, конечно, всецело за максимальное материальное стимулирование рецензентов. Но понимаю, что гораздо более доступным является стимулирование репутационное, хотя и имеющее некоторые материальные следствия. Прежде всего, я думаю, что вхождение преподавателя или работника научного учреждения в пул рецензентов журнала с высоким академическим статусом должно рассматриваться как существенное карьерное достижение, формально, в рамках процедур оценки научной работы, и неформально, в коллективном мнении профессионального сообщества. Однако даже в случае реализации этой цели преобладание профессионально-этической основы рецензирования журнальных статей на настоящий момент остается безальтернативным.

**Двойная анонимность в процессе рецензирования:
за и против**

В данном разделе я хотел бы обратиться к этическому анализу преобладающего сегодня варианта практики журнального рецензирования, при котором рецензент не знает, кто автор рецензируемой статьи, а автор не может идентифицировать рецензента. Систематическое исследование всех этически значимых сторон двойной анонимности потребовало бы реализации специального длительного проекта, поэтому в рамках данной, по существу своему вводной и обзорной статьи я планирую оттолкнуться от опыта примечательной дискуссии, которая около пяти лет с 2003 по 2008 гг. продолжалась на страницах издания «Журнал академической этики». Ее участники – видные ученые, глубоко погруженные в публикационный процесс, обсуждали двойное анонимное рецензирование, ставшее к тому времени рутинной практикой, пытаясь понять, есть ли необходимость ее радикально преобразовать. Важность этой дискуссии, на мой взгляд, состоит даже не в том, что она выявила какие-то решающие аргументы в пользу сохранения или устранения режима двойной анонимности (и вряд ли это тогда произошло), сколько в том, что она в неформально-дискурсивном стиле артикулировала некоторые нормативные ориентиры рецензирования как такового. Именно поэтому обращение к ней служит хорошим заходом к анализу современных конкретизаций и формализаций этики журнального рецензента.

Инициировавший эту дискуссию Л.Тернер усматривает ключевое основание двойной анонимности в стремлении научного сообщества уберечь рецензента от различного рода возмездных действий со стороны разочарованных и раздраженных авторов. Имеется в виду довольно широкий ряд реакций: выражающие гнев и раздражение высказывания и письма, навязчивое стремление продолжить обсуждение уже отклоненного текста, подготовка негативных рецензий на рукописи рецензента, блокирование его карьерного продвижения или возможностей получения им финансирования. Это вполне достойная задача, однако а) ее значение существенно преувеличено, б) избранный способ ее решения создает гораздо большие проблемы, чем те, которые он призван разрешить [14, 41–42]. Как заметил поддерживающий мнение Л.Тернера другой участник дискуссии, автор отклоненной рукописи чаще напоминает не «разъяренного монстра», а «раненое дикое животное, в убежище зализывающее свои раны» [6, 218]. При этом защита рецензента от незначительного количества настоящих «разъяренных монстров» с помощью введения режима

анонимности приводит к формированию дисбаланса власти и уязвимости в академическом сообществе.

Рецензент в системе анонимного рецензирования, по Л.Тернеру, получает огромную власть, не сопровождающуюся ответственностью за избранные им способы её применения. Рецензент и автор являются участниками конкурентного процесса – процесса борьбы за ограниченный ресурс, которым является возможность опубликовать результаты своих исследований. Более того, они в соответствии с логикой эффективного рецензирования работают в одной и той же частной исследовательской области. Это способствует тому, что рецензенты предъявляют завышенные требования к рецензируемым рукописям, такие, которые не предъявляют к своим собственным. Кроме того, анонимность открывает возможности для реализации различных психологических комплексов и худших свойств характера рецензента, что выражается в снисходительном, презрительном, саркастическом или попросту грубом отношении к автору. В дополнении ко всему, анонимность скрывает возможные конфликты интересов, играющих существенную роль в тех исследовательских сферах, которые связаны с производством и коммерцией, поскольку декларирование таких конфликтов проверяет только редактор, обладающий ограниченной информацией о рецензенте. В последнем случае возможны как завышение рецензентом стандартов оценки и следующее за этим необоснованное отклонение статей, так и занижение таких стандартов и необоснованная публикация статей, продвигающих незадекларированный интерес рецензента [14, 42–43].

Лекарством от всех этих издержек и эксцессов Л.Тернер посчитал публичную ответственность специалистов, занимающихся рецензированием, а публичная ответственность, естественно, предполагает отсутствие анонимности. Рецензент должен покинуть свою неуязвимую позицию и войти «в интерактивный мир диалога и аргументации» [14, 45]. Ставя свою подпись под рецензией и зная, что автор и другие представители академического сообщества будут иметь возможность «оценить работу оценщика» и сделают это на фоне других результатов его деятельности, рецензент будет иначе относиться к порученному ему делу [14, 45]. Качественное и сбалансированное рецензирование превратится в вопрос репутации (пусть и менее серьезный, чем качественное исследование и представление его результатов) [14, 45–46]. Обсуждение рецензий вполне может стать важной точкой инициации академических дискуссий, но уж точно станет способом улучшения практики рецензирования. Журналы, в свою очередь, должны предоставить для такого обсуждения площадку на своих веб-страницах [14, 45].

«Снятие маски» с рецензента создает не только его собственную публичную ответственность за качество экспертизы, но и публичную ответственность редактора за выбор экспертов, оценивающих рукописи. Если выбор эксперта будет определяться исключительно соображениями его доступности (а это будет легко установить, изучив его научную карьеру и предыдущий опыт рецензирования), то журнал продемонстрирует свою неспособность справиться со своими задачами, авторы же смогут выразить обоснованное недовольство тем, что их статьи отклоняются или отправляются на переработку на основе мнения рецензента с сомнительным уровнем квалификации [14, 44]. Наконец, только известность сообществу имен рецензентов может помочь адекватно воздать им за их нелегкий труд, за то самое академическое служение, с характеристики которого я начал свою статью [14, 45–46].

Отмена анонимности по Л.Тернеру призвана стать частью более широкого процесса преобразования деятельности научных журналов. Рецензирование в его представлении должно быть честным, надлежащим, идентифицируемым, своевременным и полезным. Хотя идентифицируемость выступает лишь в качестве одного элемента этого ряда, она способствует продвижению каждой позиции. Под четностью Л.Тернер подразумевает не только формальную беспристрастность итоговых оценок, содержащихся в рецензии, но и наличие развернутой аргументации по всем пунктам, в которых упоминаются плюсы и минусы рукописи, а также разработку рекомендаций, которые могли бы усилить плюсы и нейтрализовать минусы. Кроме открытости имен рецензентов, честность должна обеспечиваться специальной работой редакторов журналов с отзывами авторов о качестве рецензирования. Надлежащая экспертиза обеспечивается не только подбором квалифицированных специалистов со стороны редакции, но и внимательным отношением рецензентов к тому, что в рукописи входит в круг их компетенции, а что остается за его пределами, и прямом указании на это в рецензиях. Своевременность экспертизы приобретает решающее значение в связи с тем, что авторы а) находятся под жестким прессом публикационных нормативов, б) не имеют права подавать рукопись одновременно в несколько журналов, в) сталкиваются с высоким коэффициентом отклонения (до 90%). Несмотря на то, что такое требование несколько конфликтует с двумя предыдущими, Л.Тернер предлагает установить единый для всех академических журналов трех-четырехнедельный срок рассмотрения рукописей. Наконец полезность рецензий определяется тем, что рецензент рассматривает себя не в качестве администратора, обосновывающего решение принять или не принять рукопись, а в ка-

честве эксперта, выявляющего потенциал проведенной автором исследовательской работы, и при наличии такого потенциала, рекомендуящего пути его раскрытия. В идеале полезное рецензирование должно быть многораундовым [15].

Основным, хотя и дружественным, оппонентом Л.Тернера стал известный этик и социальный философ, основатель издания «Этический журнал: международное философское обозрение», Дж.А.Корлетт. Для него поднятые Л.Тернером вопросы имели острую личную актуальность, поскольку основание им нового журнала по этической проблематике было связано именно с неудовлетворенностью стандартами редакторской деятельности в существующих. Это, по его словам, была попытка создать журнал, в котором обращение с авторами было бы таким, какого он сам желал бы по отношению к себе самому в качестве автора [8, 356–357]. Отправной посылкой рассуждения Дж.А.Корлетта выступает признание того факта, что успех процедуры двойного анонимного рецензирования зависит от добросовестности редактора, занимающегося поиском рецензента, избегающего механического отношения к результатам экспертизы, а также добросовестности самих рецензентов. При сохранении анонимности трудно представить себе институциональное решение, которое могло бы заменить или существенно уменьшить эту зависимость. Однако Дж.А.Корлетт не видит здесь неразрешимой проблемы. Редактор, а вернее, коллектив редакторов, заинтересованный в качестве своего издания, вполне способен обеспечить существенное смягчение трудностей анонимного рецензирования. Редакция может не полагаться на гиперкритические и пристрастные рецензии и выводить из публикационного процесса рецензентов, которые систематически занимают такую позицию [8, 358].

Однако дело не столько в том, что анонимное рецензирование не сталкивается с неразрешимыми трудностями, сколько в том, что анонимность не только защищает рецензента от неадекватной реакции отклоненного автора, но и поддерживает беспристрастность экспертизы (собственно, и Л.Тернер начинает свою пятерку свойств хорошего рецензирования именно с его честности). Знание идентичности автора подталкивает рецензента к тому, чтобы ориентироваться на обстоятельства, не связанные с качеством рукописи. Не только на личные связи и симпатии, но и на институциональную принадлежность. Отвлекаясь от работы Дж.А.Корлетта, хочу указать на довольно старое и хорошо известное социологическое исследование, сыгравшее определенную роль в становлении анонимного рецензирования, в котором работы ученых из статусных университетов повторно отправлялись в журналы, в которых они были опубликованы, но уже

от имени никому неизвестных авторов из университетов второго ряда. Избранные журналы имели высокую репутацию, 80 % уровень отклонения и открытое рецензирование. Те статьи, которые не были опознаны журналами как опубликованные ранее, были отклонены в связи «серьезными недостатками методологии» [13]. В любом случае Дж.А.Корлетт уверен, что открытое рецензирование создает гораздо больше поводов для предвзятого отношения к рукописям (включая сюда предвзятость, которая формируется на основе конфликта интересов), чем устраняет [8, 358]. Богиня правосудия, Фемида, не даром сохраняет повязку на своих глазах. Можно, конечно, предположить, что редактор подберет рецензентов, которые будут в широком смысле слова нелицеприятны и при открытом рецензировании. Но это предположение ничем не отличается от надежды, что редактор подберет рецензентов, которые будут достаточно ответственны при рецензировании анонимном.

К этой аргументации Дж.А.Корлетт добавляет ту мысль, что заданное Л.Тернером направление дискуссии об ответственности редакторов и рецензентов несколько искажает роль журналов в академическом сообществе и роль редакторов в журнальном процессе. Редактор принимает решение о принятии или отклонении рукописи, опираясь на широкий ряд соображений, которые не ограничиваются качеством текста, который оценивает рецензент. У редактора есть собственное видение тех исследовательских тем, продвижение которых, с его точки зрения, призван обеспечивать его журнал. Это задает содержательную часть редакционной политики журнала, которая отражается на формировании его номеров. В этом смысле журнал для редакционного коллектива является аналогом коллективного исследования, а не просто ресурсом, который редакторы честно должны распределять. Дж.А.Корлетт выражает эту мысль с помощью утверждения о том, что автор имеет право на честную и вдумчивую экспертизу статьи, на объяснение принятых редакцией решений, но он не имеет права на публикацию любой статьи в любом тематически соответствующем его исследованию журнале, даже если эта статья была одобрена рецензентами [8, 359–360]. Механизмы публичной ответственности, которые предлагает Л.Тернер, были бы уместны в вопросах защиты прав человека, а не в вопросах наполнения содержанием академических журналов.

Наконец, Дж.А.Корлетт оспаривает реалистичность предложений Л.Тернера. Публичная ответственность журналов и сопровождающий ее нескончаемый процесс обсуждения редакторских решений и рецензий полностью истощил бы человеческие ресурсы любого издания. Это касается как пула рецензентов, так и штата редакторов:

«Сделать редакторов публично ответственными значит превратить неблагодарный и тяжкий редакторский труд в нечто, не стоящее беспокойства для любого разумного и успешного в своей сфере человека, который мог бы посвятить себя спокойной жизни, состоящей исключительно из написания научных работ и преподавания» [8, 360]. Академическое служение в таких условиях оказывается нерационально жертвенным. Если же говорить про академическое сообщество в целом, то проблему может снять не публичная ответственность журналов, а снижение прессинга в системе, руководствующейся принципом «публикуй или исчезни».

В той же мере нереалистичными Дж.А.Корлетт считает требования Л.Тернера по своевременности рецензирования и его полезности. И даже более того, по его мнению, система, в которой рецензенты обеспечивают мгновенный отклик и многоаундовое улучшение рукописи, была бы подрывающей саму себя. «Подлинными экспертами являются таковыми потому, что они тратят огромное количество времени и сил на то, чтобы стать экспертами... Требовать от них бросить все, что они делают, только для того, чтобы отрецензировать статью в пределах двух-трех недель – это слишком. Такое требование само по себе неразумно, принимая во внимание, что потенциальные рецензенты заняты своими научными трудами, написание которых помогает им стать экспертами в своей исследовательской сфере» [8, 363]. Снятие проблем здесь вновь лежит не в сфере реформирования журнальной практики, а в сфере реформирования научной отчетности, которая могла бы учитывать не только публикации, но и продвижение рукописей в журналах (включая повторные подачи в другой журнал).

Как я писал в начале раздела, ценность этой дискуссии между вовлеченными в журнальный процесс членами академического сообщества, состоит в том, что в ее ходе отчетливо вырисовываются задачи, проблемы, психологические драйверы, моральные ориентиры и ограничения рецензирования научных статей. Четыре элемента пятисоставной модели хорошего рецензирования Л.Тернера – честность, надлежащий характер, своевременность и полезность – задают вполне приемлемую общую нормативную рамку для оценки различных институциональных режимов приема рукописей к публикации на основе рецензирования. Эта рамка более неопределенна, чем конкретные положения какого-нибудь кодекса или свода этических правил, но это не является ее минусом: ведь кодексам необходимы отправные посылки для составления.

Применение Л.Тернером собственной модели оказалось не самым удачным, во всяком случае, в части, связанной с выдвиганием

требования индентифицируемости участников журнального процесса друг для друга. Однако его усилия не были бессмысленными. Недостатки институтов и практик видны, прежде всего, их противникам. Именно поэтому Дж.А.Корлетт так внимательно отнесся к критике Л.Тернером двойной анонимности рецензирования. Он не обнаружил радикальных преимуществ противоположной модели, не нашел способов органичного перехода к ней [9, 208], но на основе тернеровской аргументации выделил болевые точки преобладающей публикационной практики и направления работы с ними. В центре его внимания вполне обоснованно оказалась фигура редактора, который администрирует рецензирование и находит оптимальные способы использования рецензий в своей работе с авторами и в определении содержания журнала. Такой редактор нуждается в добросовестных экспертах и решает эту проблему за счет их тщательного подбора, но при этом он относится к экспертным оценкам и рекомендациям не как к вердиктам, а как к ресурсу, помогающему реализовывать редакционную политику. Я согласен с общей интенцией Дж. А. Корлетта в том отношении, что практическая мудрость редактора и компенсация разными экспертами недостатков друг друга дают возможность журнальному процессу демпфировать негативные последствия анонимности.

***Институционализация этики рецензента
(два центральных этических документа)***

Я обратился к дискуссии вокруг предложений Л.Тернера для того, чтобы обозначить общие нормативно-теоретические рамки этики рецензента, но закончить статью хотел бы анализом ее конкретизаций. Сегодня фактически все академические журналы имеют специальное внутреннее регулирование, касающееся этических вопросов. Значительная часть этого регулирования направлена именно на деятельность рецензентов и взаимодействующих с рецензентами редакторов. Отбором и языковым оформлением этических принципов и требований, регулирующих рецензирование, занимаются крупнейшие журнальные базы и издательства. Но может быть самыми влиятельными центрами, выполняющими такую работу, являются профессиональные ассоциации журнальных редакторов и неправительственные организации, созданные специально для совершенствования публикационного процесса в сфере науки. Они создают нормативные документы, претендующие на то, чтобы выполнять роль образцов, на которые могли бы опираться редакции академических журналов.

Существуют две самых известных организации такого рода. В-первых, это Совет научных редакторов, который зародился как ассоциация редакторов американских биологических журналов в 1957 г., а

с 2000 г. является общенаучным объединением. Он занимается исследовательской и образовательной деятельностью, нацеленной на продвижение лучших публикационных практик. Этика публикационного процесса находится среди его приоритетов (в этом смысле показателен его лозунг: «Образование, этика, научные данные для редакторов»). На настоящий момент нормативное содержание этики публикационного процесса представлено советом в виде документа, имеющего название «Белая книга по поддержанию добросовестности в публикациях в научных журналах» (2018). Во-вторых, это Комитет по публикационной этике (существует с 1997 г.). Он также был создан группой редакторов медицинских журналов, но уже британских и ставит целью анализ и обсуждение опыта этических проблем и затруднений научно-публикационной деятельности. Смысл создания комитета состоял в том, чтобы доступными редакторам и издателям мерами улучшать качество научных исследований и бороться с нарушениями научной этики. Непосредственной целью является поиск этически обоснованных способов работы редакций научных журналов и превращение высоких этических стандартов в этой сфере в культурную норму. Сейчас комитет включает более десяти тысяч членов, имеет большой, постоянно расширяющийся архив этических кейсов. Им был разработан «Кодекс поведения редакторов», который затем был заменен на разбитые по ключевым составляющим редакторской практики развернутые этические рекомендации. Этические рекомендации для рецензентов действуют в редакции 2013 г. Во главе комитета стоит со-основатель и редактор «Журнала бизнес-этики» и главный редактор «Журнала академической этики» Дебора Пофф. Кстати, именно она была консультантом Дж.А.Корлетта при подготовке одной из упоминавшихся выше статей.

Этические рекомендации Комитета по публикационной этике содержат несколько основных принципов, которые затем раскрываются подробно в виде системы ожиданий от рецензента. Составители рекомендаций исходят из того, что, хотя анонимное рецензирование является на настоящий момент преобладающим, существуют журналы, которые используют другие подходы, поэтому в документ введены положения, которые характеризуют деятельность рецензентов, осведомленных об идентичности автора. Основные принципы таковы: соглашаться рецензировать рукопись только при наличии соответствующей компетенции; уважать конфиденциальный характер рецензирования; не использовать полученную информацию для собственной выгоды или выгоды других лиц и организаций (а так же для причинения им ущерба или их дискредитации); заявлять обо всех потенциальных конфликтах интересов; не поддаваться влиянию ин-

формации о происхождении рукописи, национальности, религиозных либо политических убеждениях, гендерной принадлежности и иных характеристиках автора, а также коммерческих соображений; быть объективным и конструктивным, воздерживаться от враждебности и возбужденности, оскорбительных и унижительных замечаний; осознавать, что рецензирование – это взаимное предприятие и принимать на себя его честную долю; предоставлять журналу точную личную и профессиональную информацию; не выдавать себя за другое лицо в процессе рецензирования [7].

Комитет избрал тот вариант конкретизации основных принципов, который распределяет ожидания от рецензента по этапам рецензионной деятельности: при обращении к рецензированию, знакомстве со статьей, подготовке текста рецензии и, наконец, после завершения рецензирования. Ниже я приведу некоторые ключевые моменты конкретизированных ожиданий, не являющихся развернутым повтором базовых принципов.

Принимая решение об участии в рецензировании, рецензент обязан иметь в виду комплексные задачи этого процесса, формирующие ожидания редактора. Он должен оценить свою компетентность и обозначить ее ограничения (включая возможность оценить лишь часть или аспект рукописи). В случае открытого рецензирования рецензент обязан сообщить о своих личных или деловых связях с автором (в большинстве случаев наличие таких связей – основание отклонения запроса на рецензирование). Рецензент должен отказать журналу и в том случае, если рукопись слишком близка по теме к той, над которой он сейчас работает, или в том случае, если он причастен к исследованию, отраженному в рецензируемой рукописи. Рецензенту не следует без разрешения журнала привлекать к рецензированию младших коллег и следует указывать имена всех тех, кого он, в итоге, привлеч к подготовке рецензии. Рецензент не должен ограничиваться общими характеристиками рукописи или ее отдельных утверждений, его задача – предоставить редактору, который не является экспертом, достаточно доказательной информации, чтобы тот мог мотивированно представить автору позицию журнала. Предлагая изменения рукописи, рецензент не должен превращаться в ее дополнительного автора. Рецензент обязан градуировать свои замечания и предложения по степени их важности. Он не должен вводить неоправданные критические замечания в отношении цитируемых в рукописи ученых и предлагать автору рукописи ссылаться на те или иные исследования в целях повышения собственного индекса цитирования или индекса цитирования своей организации. Рецензент должен по мере возможности откликаться на просьбы журналов рецензировать доработан-

ные или вторично поданные версии уже отрецензированной рукописи. Рецензент должен знакомиться с рецензиями других специалистов для того, чтобы совершенствовать свои навыки. Он должен также сохранять конфиденциальную информацию о рецензировании и после завершения работы журнала над статьей. В целом стоит признать, что избранная комитетом разбивка ожиданий является удобной для рецензента, пытающегося охватить мысленным взором весь процесс своей работы и соотнести его с этическими стандартами [7].

В «Белой книге по поддержанию добросовестности в публикациях в научных журналах» Совета научных редакторов обязанности рецензента классифицированы в соответствии с разделами, отчасти соответствующими пяти рубрикам Тренера (исключая взаимную идентифицируемость авторов и рецензентов, которая отражает лишь один тип рецензирования).

Это конфиденциальность, конструктивность критики (с интересным замечанием, что анонимный рецензент должен критиковать рукопись так, чтобы его критика могла выдержать ее публичное обсуждение), компетентность, беспристрастность и добросовестность, раскрытие конфликтов интересов, своевременность и отзывчивость [10, 33–34]. Дополнительная конкретизация обязанностей произведена по принципу специфики их объектов: обязанности перед автором, обязанности перед редактором и обязанности перед читателем [10, 32]. Эта разбивка вызывает определенные вопросы, поскольку нормативное содержание этих разделов дублируется, а обсуждение каких-то специфических обязанностей рецензента перед автором, редактором и читателями мне кажется недостаточно обоснованным. Обязанности рецензента – это обязанности перед академическим сообществом в целом, которое включает автора и читателей, а также обязанности перед своей исследовательской дисциплиной. Непосредственно в отношении автора обязанности рецензента, вероятно, сводятся лишь к уважительному представлению своих критических соображений (что вряд ли может претендовать на целый раздел). Редактор же выступает всего лишь в качестве технического представителя академического сообщества. Непосредственно перед ним у рецензента нет обязанностей, кроме обязанностей ответственного делового партнера.

Гораздо более удачным и полезным для рецензентов и редакторов является введенный в «Белую книгу...» раздел «Примеры недопустимого поведения рецензента», в котором в назывном порядке перечисляются самые частые нарушения этики рецензирования (от фактических ошибок, совершенных по небрежности, использования рецензирования для продвижения своих гипотез и принижения своих академических соперников до нераскрытия конфликта интересов)

[10, 34]. В случае с этической документацией Комитета по публикационной этике эту роль играет та часть архива реальных кейсов, которая посвящена рецензированию. Но эти кейсы включают в себя очень много информации и интересны, прежде всего тем, кто столкнулся с точно такой же проблемой. Поэтому мне представляется, что наилучшим вариантом фиксации типичных нарушений был бы усредненный по отношению к двум, упомянутым выше, а именно – набор кратких, типизированных кейсов.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И., Богданова М.В.* Ценности профессиональной этики в формировании идентичности опорного университета // *Ведомости прикладной этики*. Вып. 51 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2018. С. 127–165.

2. *Прокофьев А.В.* Академическая этика как этика «высокой» профессии: уточненная локализация проблем // *Ведомости прикладной этики*. Вып. 40. Прикладная этика как фронестика морального выбора / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2012. С. 126–140.

3. *Прокофьев А.В.* Научное руководство и академическое наставничество: этические аспекты // *Ведомости прикладной этики* / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2019. Вып. 53. С. 25–44.

4. *Прокофьев А.В.* Об обязанностях профессоров (нормативный контекст дискуссии о профессиональной успешности профессора) // *Ведомости прикладной этики* / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ. 2016. Вып. 49. С. 15–40.

5. *Прокофьев А.В.* Этика профессора и идея академического гражданства // *Ведомости прикладной этики* / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2020. Вып. 55. С. 20–41.

6. *Brown D.G.* On Doffing the Mask // *Journal of Academic Ethics*. 2007. Vol. 5. P. 217–219.

7. COPE Ethical Guidelines for Peer Reviewers (Committee on Publication Ethics, 2013) // URL: <https://publicationethics.org/files/Per%20review%20guidelines.pdf> (дата обращения: 10.05.2020)

8. *Corlett J.A.* Ethical Issues in Journal Peer-Review // *Journal of Academic Ethics*. 2005. Vol. 2. P. 355–366.

9. *Corlett J.A.* The Ethics of Academic Journal Editing // *Journal of Academic Ethics*. 2005. Vol. 6. P. 205–209.

10. CSE's White Paper on Promoting Integrity in Scientific Journal Publications' by the Counsel of Science Editors (Council of Science Editors, 2018) // URL: http://www.councilscienceeditors.org/wp-content/uploads/entire_whitepaper.pdf (дата обращения: 10.05.2020)

11. *Macfarlane B.* The Academic Citizen: The Virtue of Service in University Life. London: Routledge, 2007. 201 p.

12. *Overall J.* Stop Drinking the Kool-Aid: The Academic Journal Review Process in the Social Sciences Is Broken, Let's Fix It // *Journal of Academic Ethics*. 2015. Vol. 13. P. 277–289.

13. *Peters D.P., Ceci S.J.* Peer-Review Practices of Psychological Journals: The Fate of Published Articles, Submitted Again // *Behavioral and Brain Sciences*. 1982. Vol. 5, P. 187–255.

14. *Turner L.* Doffing the Mask: Why Manuscript Reviewers Ought to Be Identifiable // *Journal of Academic Ethics*. 2003. Vol. 1. P. 41–48.

15. *Turner L.* Promoting F. A. I. T. H. in Peer Review: Five Core Attributes in Effective Peer Review // *Journal of Academic Ethics*. 2003 P. 181–188.